

ВРЕМЯ

"Wremja"

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Год и выпуск № 305
Берлин, Понедельник 26 Июня 1924 г.
Год издания VI

№ 305

Генрих Блок.

Кто даст мир?

Пацифисты всех политических и социальных отрядов изобретают эпические теории о замечательном мире и побуждают свои правительства создавать бесполитики и беспалодные конференции по разоружению. И даже Лига Наций догадалась учредить специальный секретариат по сокращению вооружений.

Между тем армия не сокращается, дредноуты продолжают строиться, авиація вводят новые усовершенствования, расточительная на войну, говорят о каких то странных таинственных изобретениях для уничтожения людей... и городов... Танк вооружений принимает плюшевую форму, английские социалисты, став у власти, отсыпали на вооружение 121 миллион фунтов своего бюджета против 80 миллионов «мирного» времени. Короче: весь мир, и все готовятся к войне.

Поэтому, мэр кажется, очень важно одно выступление чешского премьер-министра Швегла, который дал оригинальную здоровую теорию мира. Это — статья в "Bulletin du Bureau international agricole", воспроизведенная затм в прессе газетами. Статья называется «Земля и мир». Изложу вкратце интересное содержание этой статьи.

Для нормальной жизни народу нужен покой. Ему должна быть дана возможность работать. Поэтому внутренний и международный мир первых предпосылок для создания положительных ценностей, опора законности и источники жизненных радостей.

Всё пацифистская теория, которую особенно усиленно пропагандируется после войны и великих социальных потрясений, исходит из благородных или гуманистических соображений в качестве аргументов приводят желание сохранять жизнь культуры и т. д. Но к своему пацифистскому идеализму, который, однако, еще ни разу не выдержал критики, когда он наступал.

Тогда по миру стара, как род человеческий. Воля к сохранению его выражена в религиозном учении о любви к ближнему, о прощении врагов и т. д. И не следует думать, что мир — сладкая идиллия лежащая в юге человеческих возможностей. Мир это состояние, которое может быть создано честолюбивыми людьми от вары в возможность осуществления мира! Всё международные договоры проникнуты пацифистским идеализмом, который, однако, еще ни разу не выдержал критики, когда он наступал.

Затем он должен был договориться до конца. Его теорию можно распространить и дальше, на рабочий класс. Рабочие тоже не хотят вовать, рабочие даже социальную войну, революцию, отвергнут, когда измениют маломощные стимулы условия жизни, напр., в Америке. Опору на рабочих тем более необходимо сильнее, что чисто аграрных стран почти нет, но есть почти чисто индустриальные страны, как Бельгия и Англия. Дайте им минимум жизненных благ, дайте крестьянину минимум власти, хотя бы под формой парламентаризма — и шансов войны станут минимальными, военно-политическая авантюра отойдет в область предания!.. Другими словами: при наступлении мелкобуржуазного, мещанского общественного строя мир будет обеспечен. Мещане-швейцарцы больше не воруют, чехи стремятся к такому же идеалу. Общество ли оно в мировом масштабе? Почему бы и нет! После крушения буржуазного демократизма и социализма остается место только для мещанства.. Муссолини этому исполнительно не противоречит! Он хорошо сказал, когда ввел ордена, так сказать, личное дворянство, для рабочих. Он сыграл на их мещанстве.

С Очевидно, что пацифизм должен быть построен на новых основах. Лига Наций, демократизированная дипломатия, усиленная парламентаризмом — все это хорошо, если удастся избежать языка ошибок и утопий об «идеале» мира: Нет, он не удастся, а сама супружеская жизнь.

Всё болезненное, физическое недомогание организма человечества, Умная медицина прилагает к профилактике, к укреплению тканей организма, которые наилучше устоят против болезней. Церковь и религия переходят в ее услугу. И только физическая усталость и головная боль изменили вину!

Очевидно, что пацифизм должен быть построен на новых основах. Лига Наций, демократизированная дипломатия, усиленная парламентаризмом — все это хорошо, если удастся избежать языка ошибок и утопий об «идеале» мира: Нет, он не удастся, а сама супружеская

жизнь.

Швегль подчеркивает, что Европейскую войну прекратил голод, потому что запасы живого и мертвого материала еще не были истощены.

Годом спустя всякой войны. Раз это так, то охотники воевать надо начинать хлеба, и они воевать не смогут. Скажут, что они вооружены

Берлин, Понедельник 26 Июня 1924 г.



Гр. Ругов.

Злободневные вопросы.

(Письмо из Литвы.)

III.

Одним из весьма серьезных вопросов литовской политической и экономической жизни, наряду с недавно обострившимися вопросами о национальных меньшинствах, также являются проблемы экономической и финансовой политики.

Как разрешаются указанные проблемы в маленькой Литве, жк-кот подходит к ним и каковы перспективы развития этих политико-экономических стремлений — все это представляет интерес не только для одних литовских граждан, но быть может еще больше для соседей Литвы связанных с последней торговыми сношениями.

Литовская экономическая политика в настоящее время находится на так называемой системе умбронизма. Этот умбронийский протекционизм выражается прежде всего в поддержке стечественной промышленности путем поднятия пошлины на ряд предметов, производимых в самой Литве.

Конечно литовская индустрия сравнительно слаба, развита и некоторыми отраслями, как напр. текстильной и машиностроительной, представляют собой лишь зачатки промышленности, которой далеко еще не сидят на конкурировать с заграницей.

Иначе, однако, обстоит с табачным и кожевенным производством, которых еще до войны достигли известной степени развития, в особенности пострадавшее.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Выход из трезвого пацифизма автор может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Выход из трезвого пацифизма автор может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого общества, который может изложить и предотвратить близящуюся войну.

Швегль разумеет свою мысль в следующих словах: «Земледелец — субъект мира. Никакая пацифистская теория по своей силе и по своему значению не могут сравняться с волей к миру земледельца. Он хочет мира, ему нужен мир, не только в интересах жизни, но и труда, служащего жизни и творчеству».

Сущность пацифистской теории, которую может уже судить всякий: крестьянство, вообще земледельческий класс — вот тот орган человеческого